АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ТИБЕТСКІЙ СКАЗЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

БЕРЛИНЪ

1922

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

Ё

ТИБЕТСКІЙ СКАЗЪ

„ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
БЕРЛИНЪ
MCMXXII

Типографія Зинабургъ и Ко., Alte Jacobstr. 129III
Берлинъ NW 68.

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

Созвалъ Богъ всѣхъ звѣрей полевыхъ, луговыхъ и дубравныхъ, — и слоновъ и крокодиловъ, поставилъ передъ ними миску, а въ миску положилъ Божью сладкую пищу — разумъ:

— Раздѣлите, звѣри, кушанье себѣ поровну.

Ну, звѣри и стали подходить къ мискѣ — кто рогомъ приноравливается, кто клыкомъ мѣтитъ: всякому ухватить лестно Божью сладкую пищу.

— Стойте, куда прёте! — прикрикнулъ на звѣрей заяцъ, — мы не всѣ въ сборѣ: человѣка нѣтъ съ нами. Станетъ онъ послѣ пенять, станетъ Богу выговаривать, не оберемся бѣды!

— Да гдѣ же онъ? — пріостановились звѣри.

— Гдѣ? Да тутъ за пригоркой.

— А ты зови его, мы подождемъ.

Заяцъ побѣжалъ и за пригоркой нашелъ человѣка.

— Слушай, Кузьмичъ, Богъ далъ намъ, звѣрямъ, кушанье, этакую мисищу съ разумомъ! — велѣлъ раздѣлить поровну. Всѣ наши сошлись на угощеніе, ужъ мѣтили заняться ѣдой, да я остановилъ. Иди ты скорѣй въ наше сборище, да не мѣшкай, выдь ты на середку да прямо за миску: «А, молъ, моя доля осталась! — да одинъ все и приканчивай, а какъ съѣшь, миску мнѣ, Кузьмичъ. Понимаешь?

— Ладно.

*

И пошелъ человѣкъ за зайцемъ на звѣриное сборище управляться съ Божьей сладкой пищей — разумомъ.

И какъ научилъ его заяцъ, такъ все и сдѣлалъ: вышелъ онъ на середку, ухватился за миску:

— А! моя доля!

Да всю и съѣлъ, а миску заяцу.

Заяцъ облизалъ миску.

Тутъ только и опомнились звѣри.

— Что за безобразіе! — роптали звѣри.

А тигръ-звѣрь пуще всѣхъ.

— Богъ далъ намъ кушанье, — кричалъ тигръ, не унимался, — велѣлъ раздѣлить поровну, а оно двоимъ досталось. Такъ этого оставить не годится. И ужъ если на то пошло, пускай всякій годъ родится у меня по девяти дѣтенышей и пускай поѣдаютъ они зайчатъ и ребятишекъ.

Какъ заяцъ услышалъ про заячатъ-то, на смерть перепугался, да изъ сборища скокъ отъ звѣрей въ поле и тамъ подъ колючку.

Извѣстно, какая у зайца защита: ни клыка, ни рога, ни шипа, а подъ колючкой и заяцъ — ёжъ.

Ну, а звѣри погомонили, погомонили и стали расходиться: кто въ поле, кто въ луга, кто въ дубраву, слоны къ слонамъ, крокодилы къ крокодиламъ.

Пошелъ и тигръ.

*

Идетъ тигръ полемъ, твердитъ молитву:

— Господи, пусть всякій годъ у меня родится по девяти дѣтенышей: пожираютъ и поѣдаютъ. Господи, пусть всякій годъ у меня родится по девяти дѣтенышей: пожираютъ и поѣдаютъ!

И такъ это ловко выговариваетъ, вотъ-вотъ отъ слова и станется: услышитъ Богъ тигрову молитву и пойдутъ рождаться у тигра по девяти дѣтенышей ежегодно, бѣда!

Поровнялся тигръ съ колючкой.

— Господи, пусть всякій годъ у меня родится по девяти дѣтенышей: пожираютъ и поѣдаютъ!

А заяцъ со страху не выдержалъ да передъ самымъ носомъ и выпрыгнулъ.

Тигръ вздрогнулъ — изъ памяти все и вышибло.

— Чего ты тутъ дѣлаешь? — крикнулъ тигръ на зайца.

— Я ничего, Еронимычъ, очень страшно. Какъ ты сказалъ, твои дѣтеныши будутъ поѣдать моихъ заячатъ, я и выскочилъ. Я тебя боюсь, Еронимычъ!

— Постой, о чемъ это я молился-то, дай Богъ памяти?

— А ты твердилъ, — сказалъ заяцъ, — «Го-осподи, пусть черезъ каждыя девять лѣтъ родится у меня по одному и единому дѣтенышу!»

— Ахъ, да! Ну, спасибо.

И пошелъ тигръ отъ колючки.

— Господи, пусть черезъ каждыя девять лѣтъ родится у меня по одному и единому дѣтеньшу! — твердилъ тигръ молитву.

И такъ это ловко выговаривалъ, вотъ-вотъ отъ слова и станется: Богъ услышитъ молитву и будетъ у тигра черезъ каждыя девять лѣтъ рождаться по одному и единому дѣтенышу.

Да такъ оно и будетъ.

А заяцъ бѣжалъ по полю, усищами усатый пошевеливалъ: эка, ловко отъ тигра отбоярился, всѣ-то нынче цѣлы останутся, — и ребятишки голопузые и заячата любезные.

Овца жила тихо-смирно и былъ у овцы ягненокъ. Какъ-то сидитъ овца подъ окошкомъ и тутъ же ягненочекъ ея трется. И случился такой грѣхъ — мимо проходилъ Волкъ Волковичъ.

Увидала овца волка, — затряслись поджилки, и ужъ съ мѣста не можетъ подняться, сидитъ и дрожитъ.

А бѣжалъ заяцъ, видитъ ни жива, ни мертва овца, а никого нѣтъ, пріостановился.

— Что такое?

— Ой, Иванычъ, смерть пришла!

— Какая такая смерть?

— Волкъ прошелъ, Волковичъ: не миновать, съѣстъ.

— Ну, вотъ еще! Я тебя выручу.

— Выручи, Иванычъ!

— Ладно.

Заяцъ сѣлъ на овцу и поѣхалъ, а ягненокъ сзади бѣжитъ.

Куда ѣдетъ заяцъ, овца ничего не знаетъ, а спросить боится, такъ и везетъ зайца.

*

Выѣхали на большую дорогу, — тамъ была покинутая стоянка, валялись всякіе отбросы.

Заяцъ увидѣлъ лоскутокъ войлока, велѣлъ поднять ягненку. Красная тряпочка валялась и красную тряпочку поднялъ ягненокъ. А потомъ красный ярлычекъ отъ чайной обертки, велѣлъ ягненку подобрать заяцъ.

Тутъ заяцъ повернулъ овцу съ дороги и поѣхали тропкой, и доѣхали до самой до норы волчиной.

Волкъ высунулся изъ норы: что за чудеса?

А заяцъ и говоритъ ягненку толстымъ голосомъ:

— Постели бѣлый коверъ!

Ягненокъ разостлалъ тряпочку.

— Покрой краснымъ сукномъ!

Ягненокъ разостлалъ тряпочку.

Заяцъ слѣзъ съ овцы и сталъ на красную тряпочку, какъ на орлеца.

— Подай царскій указъ!

Ягненокъ подалъ красный чайный ярлычекъ.

Заяцъ взялъ ярлычекъ въ лапку.

— Отъ царя обезьяньяго Асыки велѣно отъ всякаго рода звѣря доставить по сто шкуръ. Отъ волковъ доставлено девяносто девять шкуровъ, одной шкурки нѣтъ.

Заяцъ остановился, будто передохнуть.

А волкъ хвостъ поджалъ: одной шкуры нѣтъ! не за нимъ ли чередъ? — да бѣжать —

Да бѣжать безъ оглядки.

*

Бѣжитъ волкъ —

Навстрѣчу лиса.

— Куда это тебя несетъ, сѣрый?

— Ой, смерть пришла.

— Какая такая смерть?

— Заяцъ царскій указъ привезъ: обезьяній царь мою шкуру требуетъ.

— Не можетъ быть!

— Ну, вотъ еще, самъ видѣлъ: указъ съ печатью.

— Нашелъ дурака, а ты и вѣришь? Пойдемъ, я этого зайчищу на чистую воду выведу.

Волкъ уперся:

— Да ты убѣжишь, Лисавна, меня и сцапаютъ!

— Да зачѣмъ бѣжать-то?

— А затѣмъ и бѣжать, давай схвостимся, а то иди одна.

Лиса согласилась: привязала свой хвостъ къ хвосту волчиному. Волкъ подергалъ, крѣпко-ли? Крѣпко.

И побѣжали волкъ да лиса выводить заяца на чистую воду.

И благополучно добѣжали по норы волчиной.

Сидитъ заяцъ на красной тряпочкѣ, какъ на орлецѣ, въ лапкахъ красный чайный ярлычекъ.

— Отъ царя обезьяньяго Асыки велѣно доставить сто лисичьиныхъ шкуръ. Доставлено девяносто девять шкуровъ, одной шкурки нѣтъ.

Лисица какъ услышала — и! куда прыть! — да драла и волка за собой.

Волкъ прытче, лисѣ не угнаться.

Бѣжали, бѣжали, упала лиса.

Ужъ мордочкой назадъ тащится, бокъ трется о камни, вся шкура слѣзла.

Волкъ оглянулся.

— Безсовѣстная, еще и шубу снимаетъ!

И погналъ въ гору.

А когда добрались они до самой верхушки, мертвая лиса скалила зубы.

— Мучаешься, стараешься, а у васъ одни смѣшки!

Волкъ едва духъ переводилъ, пенялъ лисѣ.

Жила-была старуха и былъ у нея сынъ. Бѣдно они жили: земли — сколько подъ ногтемъ и все тутъ. И повадился на ихъ поле заяцъ: бѣгаетъ усатый, хлѣбъ травитъ.

Дозналась старуха.

— Самимъ ѣсть нечего, а тутъ еще... ужъ я тебя! — точила на зайца зубъ старуха.

У сосѣда росла въ саду старая вишня, пошла старуха къ сосѣду за вишневнымъ клеемъ.

Далъ ей сосѣдъ клею, сварила старуха да съ горяченькимъ прямо на поле.

А лежалъ на полѣ камушекъ, на этомъ камушкѣ любилъ отдыхать заяцъ: наѣстся и разсядется, усами поводитъ отъ удовольствія. Старуха давно запримѣтила, взяла да этотъ заячій камушекъ клеемъ и вымазала.

Прибѣжалъ въ поле заяцъ, наѣлся, насытился и на камушекъ, сидитъ облизывается. А старуха и идетъ, и — прямо на него. Онъ туда-сюда, оторваться-то не можетъ: хвостишкомъ прилипнулъ!

Ухватила старуха зайца за уши — попался! — и потащила.

— Изведу-жъ тебя, будешь ты у меня хлѣбъ таскать, проклятущій!

А заяцъ и говоритъ старухѣ:

—Тебѣ меня, бабушка, никакъ не извести! А ужъ если приспичило, такъ я тебѣ самъ про мою смерть скажу: ты меня, бабушка, посади въ горшокъ, оберни горшокъ рогожкой, да съ горки въ пропасть и грохни, — тутъ мнѣ и смерть приключится.

Посадила старуха зайца въ горшокъ, обернула горшокъ рогожкой, полѣзла на горку — горка тутъ же за полемъ, — вкарабкалась на горку да и ухнула горшокъ въ пропасть.

Горшокъ хрястнулъ и вдребезги, — слава тебѣ, Господи! — а заяцъ скокъ и убѣжалъ.

И дня не прошло, заяцъ опять къ старухѣ — опять хлѣбъ травитъ. Не вѣритъ глазамъ старуха: онъ! — живъ, проклятущій!

— Ну, постой же! — еще пуще заточила на зайца зубъ старуха.

Опять пошла къ сосѣду за клеемъ, сварила клею да съ горяченькимъ прямо на поле къ тому самому любимому камушку, вымазала камушекъ клеемъ.

— Ужъ не спущу!

Зашла за кустикъ и притаилась.

А зайцу и въ голову такое не приходитъ, чтобы опять на него съ клеемъ, — наѣлся, насытился и на камушекъ, сѣлъ на камушекъ и — попался.

— Не спущу! — ухватила старуха зайца за уши, — не спущу! — и потащила.

— Бабушка, не губи!

— И не говори, не спущу! — тащитъ старая зайца и ужъ не знаетъ, чѣмъ бы его: и насолилъ онъ ей вотъ какъ, да и обманулъ опять же.

— Бабушка, я тебѣ пригожусь!

— Обманулъ ты меня, обманщикъ, не вѣрю! — тащитъ зайца старуха, не придумаетъ, чѣмъ бы его: ли завадить, ли живьемъ закопать?

— Бабушка, чего твоей душѣ хочется, все для тебя сдѣлаю, не губи!

— А чего ты для меня сдѣлаешь?

— Все.

Пріостановилась передохнуть старуха.

— Въ бѣдности мы живемъ.

— Знаю.

— Есть у меня сынъ.

— Знаю.

— Жени ты моего сына!

— Это можно: у сосѣдняго царя три дочери царевны, на младшей царевнѣ его женить и можно.

— Жени, сдѣлай милость, — обрадовалась старуха, — а ты не обманешь?

— Ну, вотъ еще! Разъ сказалъ, — сдѣлаю.

— Постарайся, пожалуйста!

Старуха выпустила зайца.

Заяцъ чихалъ, лапкой поглаживалъ уши.

Позвала старуха сына, разсказала ему посулъ заячій. Чтожъ, сынъ не прочь жениться на царевнѣ. И сейчасъ же въ дорогу.

— А какъ тебя величать, Иванычъ?

— Ё, — сказалъ заяцъ, — такъ и зовите: Ё.

— Ну и съ Богомъ! Идите!

И пошелъ заяцъ со старухинымъ сыномъ къ царю по царевну — будетъ старухинъ сынъ самъ царевичъ.

*

Идутъ они путемъ-дорогой, заяцъ да сынъ старухинъ, а навстрѣчу имъ на конѣ какой-то верхомъ скачетъ — одѣтъ богато и конь подъ нимъ добрый.

— Куда, добрый человѣкъ, путь держишь? — остановилъ заяцъ.

— Въ Загорье, въ монастырь, по обѣту.

— А мы какъ разъ оттуда. Только ты чего жъ это такъ?

— А чего?

— Да ужъ больно нарядно, и на конѣ!

— А развѣ нельзя?

И думать нечего: ни верхомъ, ни въ одеждѣ въ монастырь ни почемъ не пустятъ, только и можно — пѣшъ да нагъ. Оставь свое платье и коня, тутъ пройтись недалеко.

Тотъ зайцу и повѣрилъ: слѣзъ съ коня, раздѣлся.

— Мы постережемъ не безпокойся! — сказалъ заяцъ, — иди вонъ по той дорожкѣ, прямехонько въ монастырь выйдешь.

А въ томъ монастырѣ въ Загорьѣ какъ разъ о ту пору чудилъ одинъ, подъ видомъ блаженнаго, проходимецъ, монашки догадались да кто чѣмъ, тотъ и убѣжалъ изъ монастыря голый.

Монашки, какъ завидѣли голыша, на того блаженнаго и подумали: возвращается! — окружили его и давай лупить.

А заяцъ, какъ только скрылся съ глазъ несчастный, нарядилъ въ его богатое платье старухина сына, посадилъ на коня и прощай.

*

Путь имъ лежалъ мимо часовни, тамъ у святого камня понавѣшено было много всякихъ холстовъ и лоскутки шелковые — приношенія богомольцевъ.

Зашли пріятели въ часовню, постояли, оглядѣли камень. Заяцъ, какіе лоскутки похуже, въ сапогъ сунулъ къ старухину сыну, а понаряднѣе себѣ за пазуху.

Сѣлъ старухинъ сынъ на коня и дальше.

Цѣлую ночь провели въ дорогѣ, а на утро въ сосѣднее царство поспѣли, и прямо къ царскому дворцу.

Остановили часовые:

— Кто и откуда?

Ну, тутъ заяцъ не задумался: старухинъ сынъ — богатый царевичъ, а явились они къ царю по невѣсту.

— У царевича въ его царствѣ, — разсказывалъ заяцъ, — такое дѣло случилось, — моръ: родители его, царь съ царицей, и весь народъ перемерли безъ остатка и остался во всемъ царствѣ одинъ царевичъ и все съ нимъ богатство. Хочетъ царевичъ посватать младшую царевну.

Часовые къ царю. Зоветъ царь къ себѣ. Выслушалъ царь зайца и отправилъ къ царевнамъ: пускай познакомятся.

Пошелъ заяцъ со старухинымъ сыномъ къ царевнамъ. И завели тамъ игру въ перегонки — кто кого обгонитъ?

Старухинъ сынъ побѣжалъ и запнулся — сапогъ соскочилъ. Заяцъ къ сапогу, вытащилъ изъ сапога шелковые лоскутки.

— Экая дрянь! — швырнулъ лоскутки прочь, а на ихъ мѣсто, будто стельки, изъ-за пазухи другіе нарядные вынулъ да царевичу въ сапогъ.

Какъ увидѣли царевны, какіе шелка царевичъ въ сапогахъ носитъ, всѣ три сразу и захотѣли за такого богача замужъ выйти.

Тутъ заяцъ игру кончилъ и къ царю.

А ужъ до царя дошелъ слухъ, царь радъ радехонекъ.

— Берите царевну, благословляю!

А заяцъ и говоритъ:

— У жениха на родинѣ ни души не осталось, моромъ всѣ перемерли, некому и за невѣстой пріѣхать. Ужъ вы сами, какъ-нибудь привезите ее.

Царь согласился: разъ ни души не осталось, чего-жъ разговаривать? — и снарядили за невѣстой свиту.

— Я съ женихомъ впередъ поѣду, — сказалъ заяцъ, — буду воличить по землѣ веревку, а они пускай по слѣду за нами ѣдутъ.

А жилъ на землѣ того царя Сембо, а по просту чортъ, пускалъ повѣтрія и жилъ очень богато, людямъ-то невдомекъ, а зайцу все извѣстно. Къ нему-то въ его палату чертячью заяцъ и направилъ.

Увидѣлъ ихъ чортъ.

— Какъ вы смѣли войти? вонъ! пока живы!—раскричался.

А заяцъ:

— Потише! Мы не просто къ вамъ, а по дѣлу: пришли предупредить. Пронюхалъ про ваши дѣла царь и послалъ войско: велѣно васъ изловить и предать злой смерти. Прячьтесь скорѣе, а не то все равно убьютъ. Не вѣрите? Посмотрите!

Чортъ къ окну: и правда, по полю скачутъ, — народу! — невѣсть сколько. А это была царская свита, — везли невѣсту.

— А куда-жъ я дѣнусь-то? — оторопѣлъ чортъ.

— Да вотъ сюда! — заяцъ показалъ чорту на котелъ.

Чортъ послушалъ да въ котелъ.

Заяцъ взялъ крышку, крышкой его и закрылъ, а самъ подъ котломъ развелъ огонекъ.

Сталъ огонекъ въ огонь разгораться, стало въ котлѣ припекть.

Чорту жарко, — куда жарко! — жжетъ.

— Ой, ой, больно!

— Тише! — останавливаетъ заяцъ, — услышатъ, откроютъ, убьютъ ни за что! Потерпите! — а самъ и еще огня прибавилъ.

Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, больше не можетъ.

— Близко! Услышатъ! — унимаетъ заяцъ, да еще дровецъ подъ котелъ.

Пооралъ, пооралъ въ котлѣ чортъ и затихъ — растопился несчастный.

*

Навеселѣ прикатила царская свита съ невѣстой: дернули на проводинахъ, галдятъ.

А заяцъ, будто въ жениховомъ домѣ, выходитъ гостямъ навстрѣчу, честь честью, одна бѣда, не успѣлъ угощенья наготовить.

— Есть только супъ у меня вонъ въ томъ котлѣ, не пожелаете-ли?

Гости не прочь: съ дороги перекусить не мѣшаетъ. И угостилъ ихъ заяцъ супомъ — разваръ чертячій! — каждому гостю по полной чашкѣ.

А какъ кончили супъ, повелъ заяцъ гостей жениховы богатства показывать.

Ведетъ заяцъ, въ первый покой: тамъ золото, драгоцѣнные камни.

— Это приданое за невѣстой: когда женился жениховъ старшій братъ, за невѣстой ему досталось.

Входятъ въ другой покой: тамъ полно человѣчьихъ костей.

— Это чего?

— А это вотъ что: напились гости на свадьбѣ старшаго брата, безобразничали, буянили, за то и казнены.

Ведетъ заяцъ въ третій покой: а тамъ — полуживъ-полумертвъ.

— А это?

— Тоже гости: напились на свадьбѣ средняго брата, задирали, безобразничали, а за то заточены навѣчно.

Переглянулись гости — какъ бы бѣды не нажить, въ головѣ-то съ проводинъ у всякаго муха! — да тихонько къ дверямъ, пятились, пятились — да въ дверь, тамъ вскочили

на коней да безъ оглядки лататы по домамъ, и про невѣсту забыли.

*

Сбѣгалъ заяцъ за старухой.

И стали жить-поживать старухинъ сынъ съ царевной да старуха въ большомъ богатствѣ.

При нихъ и заяцъ жить остался.

Перенесла ему старуха съ родимаго поля камушекъ его, на этомъ любимомъ камушкѣ и отдыхалъ заяцъ.

У старухина сына родился сынъ. Со внученкомъ старуха, а пуще заяцъ возился.

Такъ и жили дружно.

Захотѣлось заяцу испытать, чувствуетъ ли старухинъ сынъ благодарность или, какъ это часто среди людей бываетъ: пока нуженъ ты — юлятъ передъ тобой, а какъ сдѣлано добро, за добро же твое первые и наплюютъ на тебя.

Притворился заяцъ больнымъ, легъ на свой камушекъ любимый, лежитъ и охаетъ.

Сынъ старухинъ услышалъ: что-то плохо съ зайцемъ.

— Чего, — говоритъ, — тебѣ, Иванычъ, надо? Можетъ, сдѣлать чего, чтобы полегчало. Скажи, что нужно?

А заяцъ и говоритъ:

— Вотъ что, сходи-ка ты къ ламѣ, въ пещерѣ спасается, и спроси у пещерника: онъ все знаетъ. Да иди обязательно песками, а назадъ горой.

Старухинъ сынъ сейчасъ же собрался и пошелъ по песчаной дорогѣ пещерника искать.

А заяцъ скокъ съ камушка да по другой, по горной и прямо въ пещеру. Сѣлъ тамъ сидитъ, какъ лама — пещерникъ, молитвы читаетъ.

Отыскалъ старухинъ сынъ пещеру, не узналъ въ потемкахъ зайца, думалъ: это лама — пещерникъ.

— Чего тебѣ надо, человѣче?

— Заболѣлъ у меня благодѣтель. Скажи, чего надо, чтобы помочь ему?

— У тебя сынъ есть?

— Есть.

— Вырѣжь у него сердце и накорми больного: будетъ здоровъ.

Пошелъ сынъ старухинъ горной дорогой, едва ноги тащитъ.

А заяцъ скокъ изъ пещеры да песками, впередъ и пришелъ. И опять улегся на камушекъ, лежитъ, охаетъ.

Вернулся старухинъ сынъ.

— Былъ у ламы?

— Былъ.

— Что же онъ сказалъ?

А тотъ молчитъ.

— Чего же ты молчишь?

Молча отошелъ старухинъ сынъ отъ камушка, взялъ ножъ и началъ точить.

— Чего ты хочешь дѣлать?

— А тотъ знай точитъ.

И наточилъ ножъ, покликалъ сына.

— Раздѣвайся!

Раздѣлся мальчонка: не понимаетъ.

— Чего ты хочешь дѣлать? — крикнулъ заяцъ.

Старухинъ сынъ поднялъ ножъ и показалъ на сына.

— Его —

— Зачѣмъ? — заяцъ приподнялся.

— Сердце сына моего тебя исцѣлитъ.

— И тебѣ не жалко?

— Мнѣ? Мнѣ и тебя жалко: ты для меня все сдѣлалъ. Потеряю тебя, навсегда потеряю, а сына дастъ мнѣ Богъ и другого.

Тогда заяцъ поднялся со своего камушка и открылъ старухину сыну всю правду.

— Хотѣлъ испытать тебя. Теперь — вѣрю.

И въ тотъ же день заяцъ убѣжалъ въ лѣсъ.

А они стали жить-поживать и счастливо и богато.

Подружились волкъ, обезьяна, ворона, лисица да заяцъ и стали жить вмѣстѣ въ одной норѣ. Жили ничего, да годъ подошелъ трудный, весь хлѣбъ подъѣли, а про запасъ ничего нѣту.

Терпѣли, терпѣли, а выкручиваться надо.

— Ты, Иванычъ, самый у насъ первый, ты все знаешь, выручи! — пристали къ заяцу звѣри.

— Дайте, братцы, подумать, самъ вижу, дѣло наше плохо.

Ну и сталъ заяцъ думать: туда сбѣгаетъ, сюда сбѣгаетъ — зайцы бѣгомъ думаютъ, — и говоритъ пріятелямъ:

— Не горюйте, братцы, я нашелъ лазѣйку, живы будемъ.

А сидѣлъ у царя лама, по нашему чернецъ, сколько дней и ночей все молитвы надъ царемъ читалъ. И подходилъ ламѣ срокъ во свояси убираться и, конечно, не съ пустыми руками. Вотъ этимъ ламой и задумалъ заяцъ поживиться.

— Выйдетъ лама отъ царя, а я на дорогу. Буду подъ носомъ у него кружиться, подбѣгу такъ близко, только руку протяни. Лама соблазнится, погонится за мной. Далеко не убѣгу, буду его обнадеживать. Онъ мѣшокъ свой съ плечъ сброситъ, подберетъ полы да налегкѣ и пойдетъ сигать по полю, а вы хватайте мѣшокъ и тащите въ нору. Понимаете?

— Понимаемъ, Иванычъ.

— Живо хватайте мѣшокъ и тащите въ нору! — повторилъ заяцъ.

Одному только намекни и ужъ говорить не надо, все поймет, другому одинъ разъ сказать довольно, а третьему, чтобы втемяшить въ башку, обязательно надо повторить и не разъ.

— И тащите мѣшокъ въ нашу нору! — повторилъ заяцъ.

Царь ламу за молитвы вознаградилъ щедро: съ такимъ вотъ мѣшищемъ вышелъ лама отъ царя, Бога благодарилъ, — теперь ему отъ царской милости пойдетъ житье сытое.

А заяцъ, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Заяцъ обнадежилъ ламу, соблазнился лама — захотѣлось зайца поймать, а когда пріятели ухватили мѣшокъ, заяцъ ушелъ отъ ламы.

*

Приволокли звѣри мѣшокъ въ нору, тутъ и заяцъ вернулся.

И сейчасъ же мѣшокъ смотрѣть.

Развязали мѣшокъ, а въ мѣшкѣ чего только нѣтъ: и съѣдобнаго всякаго — пироги, аладьи, печенье, и изъ носильнаго платья порядочно — штаны, сапоги, четки, и свирѣль такая изъ человѣчьихъ костокъ и бубенъ.

— Вотъ что, братцы, — сказалъ заяцъ, — по-моему, нашу находку слѣдуетъ использовать во всю. Ты, сѣрый, надѣвай-ка сапоги и иди въ стадо: въ сапогахъ тебя всякій баранъ за пастуха приметъ, и ты пригонишь цѣлое стадо, тогда намъ и горя мало, съ такимъ запасомъ надолго будемъ ѣдой богаты!

ты, обезьяна, напяливай-ка штаны и иди въ царскій садъ, залѣзай на яблоню и рви, сколько влѣзетъ, а

яблоки въ штаны складывай. Полные накладешь, возвращайся, опорожнишься, и за грушу примешься. И варенья наваримъ и пастилы всякой надѣлаемъ, будетъ сладкаго у насъ на загладку вдоволь!

ты, ворона, надѣвай на шею четки, садись у дворца на березу, да грамотку подвѣсь на вѣтку и каркай. Запримѣтятъ тебя и всякому будетъ въ диво: «Что это, скажутъ, за ворона такая въ четкахъ!» — и понесутъ тебѣ пирожныхъ, конфетовъ, пряниковъ, леденцовъ, а ты не моргай, все бери. Будетъ съ чѣмъ намъ чай пить!

ну, а ты лисица, забирай свирѣль да бубенъ, отправляйся въ поле, гдѣ живутъ твои лисы, лисята и лисенки, труби, свисти, барабань — сбѣжится къ тебѣ весь твой родъ лисій, ты ихъ и веди съ собой. Будетъ насъ большое сборище, будетъ намъ весело!

Выслушали звѣри зайца — умныя рѣчи любо и слушать! — и принялся всякъ за свое дѣло.

Напялилъ волкъ сапоги, да въ стадо, идетъ гоголемъ: такъ вотъ сейчасъ и побѣгутъ за нимъ бараны, баранины-то будетъ, объѣшься! Да не тутъ-то: бараны, какъ завидѣли волка, шарахнулись кто-куда, а за ними овцы. На шумъ выскочили пастухи, да съ палкой на волка. Пустился волкъ улепетывать, а сапоги-то не даютъ ходу, — едва выбраться.

Обезьяна въ штанахъ забралась на царскую яблоню, полные штаны наклала яблоковъ и только было собралась спускаться, бѣгутъ ребятишки. Увидѣли на яблонѣ въ штанахъ обезьяну, загалдѣли, закричали, да камушками и ну въ нее. Цапается обезьяна съ яблони, а штаны мѣшаютъ, ни туда, ни сюда, ужъ кое-какъ понадсадилась да съ вѣтки прыгнула. Вотъ грѣхъ, чуть было ребятамъ въ лапы не попалась!

А ворона въ четкахъ взлетѣла на березу, подвѣсила грамотку и закаркала, — повѣрила, такъ сейчасъ вотъ ей и потащутъ лакомства. А вышло-то совсѣмъ наоборотъ. Увидали ворону, да камнемъ. Ворона хотѣла взлетѣть, а четки за сукъ запутались, выдраться не можетъ. Только чудомъ выскочила и ужъ едва жива полетѣла.

И съ лисой тоже неладное стало. Какъ затрубила она, забарабанила и ужъ куда тамъ въ сборище собираться, пустились отъ нея всѣ звѣри улепетывать, собственные лисята и лисенки убѣжали безъ оглядки.

Идутъ товарищи печально: у кого глазъ подбитъ, у кого ноги не тверды, у кого бокъ лупленный. Сошлись у норы и повѣдали другъ другу о своемъ горѣ.

— Заяцъ — обманщикъ! Заяцъ подстроилъ все это нарочно, чтобы сожрать одному добычу. Давайте-ка его, братцы, отлупцуемъ хорошенько.

А заяцъ, проводивъ товарищей, засѣлъ на мѣшокъ, наѣлся хлѣба и сыру и всякихъ печенiй, весь мѣшокъ подчистилъ. Нашелъ въ мѣшкѣ красную краску, вымазалъ краской себѣ губы, десна, и прилегъ въ уголку, ровно-бъ разболѣлся.

Нагрянули товарищи съ кулаками, а заяцъ и слова имъ сказать не далъ.

— Ну, братцы, и хитрящiй же этотъ самый лама: мѣшокъ-то у него съ наговоромъ. Я всего этакую малюсенькую корочку пожевалъ, такъ что же вы думаете? — кровь горломъ такъ и хлынула.

Звѣри смотрятъ: точно, кровь, — и на губахъ и во рту кровь. Сердце-то у нихъ и отошло. И принялись они за зайцемъ ухаживать. Уложили они зайца, закутали потеплѣе, — кто водицы подастъ, кто чего.

— Ой, Иванычъ! И какъ это тебя Богъ спасъ, долго-ль

до бѣды. Какой ты неосторожный! — ходили звѣри на пяточкахъ, ухаживали за зайцемъ.

А про себя ужъ ни слова: ужъ какъ-нибудь подживетъ, не стоитъ зайца разстраивать.

Ночью заяцъ потихоньку выбрался изъ норы и убѣжалъ.

*

Проснулись на утро товарищи, а зайца нѣтъ.

— Заяцъ убѣжалъ, заяцъ — обманщикъ!

— Сожралъ весь мѣшокъ и притворился больнымъ. Обманщикъ!

— Пойдемте, ребята, изловимъ его и отлупимъ. Чего въ самомъ дѣлѣ?

И пошли ловить зайца.

Долго не пришлось пріятелямъ путешествовать: заяцъ тутъ же забрался на гору и сидитъ, плететъ корзину.

Завидѣли пріятели:

— А! — кричатъ, — попался! Такъ-то ты по-пріятельски съ нами. Опять насъ обманулъ: мы изъ-за тебя натерпѣлись, а ты мѣшокъ сожралъ, да еще больнымъ притворился, мошенникъ!

— Что такое? Какой мѣшокъ? Какимъ больнымъ? Ничего не понимаю. Кто вы такіе? Чего вамъ отъ меня, зайца, надо? — заяцъ отставилъ корзинку.

— Кто такіе? Самъ знаешь! Слава Богу, по твоей милости пострадали. Кто такіе!..

— Да позвольте, я васъ въ первый разъ вижу. Вы ошиблись. Надъ вами мудровалъ какой-то другой заяцъ. Зайцевъ на свѣтѣ много и все разные зайцы. Есть зайцы — плетутъ корзинки, есть зайцы — разводятъ огонь на льду, а есть зайцы — надъ дураками мудруютъ. Я изъ тѣхъ зайцевъ, которые плетутъ корзинки, видите! А съ вами жилъ какой-то особенный заяцъ. Давеча пробѣ-

жалъ тутъ одинъ заяцъ и спустился вонъ съ этой горы въ долину.

— Извините, пожалуйста, мы ошиблись.

— Ну, что дѣлать, бываетъ. А это, пожалуй, тотъ самый и есть заяцъ.

— Не можете-ли указать намъ дорогу, по которой пробѣжалъ тотъ самый заяцъ? Ужъ больно намъ хочется изловить его и отлупить хорошенько: онъ — заяцъ плутъ и обманщикъ.

— Да вонъ она дорога, — показалъ заяцъ ушами, — съ горы и внизъ. Только мудрено изловить вамъ этого самаго зайца, больно ужъ прытокъ. Хотите, я вамъ скажу одно средство и заяцъ будетъ въ вашихъ лапахъ. А то ваше дѣло пропало, ни по-чемъ не догнать.

— Мы на все готовы.

— Ну, вотъ что: я посажу васъ въ корзину, спущу съ горы, и вы будете въ долинѣ, куда раньше вашего зайца.

Заяцъ открылъ корзинку. И когда звѣри кое-какъ втиснулись, закрылъ крышку, крѣпко увязалъ корзинку лычкомъ, да съ горы внизъ и ахнулъ.

Что только было, — корзинка ударялась о камни, и не помнятъ звѣри отъ страха, какъ, наконецъ-то, очутились они на днѣ.

Слава Богу, кончилось. Попали куда-то да вылѣзти-то не могутъ, — корзинка лыкомъ туго скручена: не выйти! Ужъ ковыряли, ковыряли, доковырялись таки и вышли на свѣтъ Божій.

Вышли въ чемъ душа, а заяцъ-то, пріятель-то ихъ сердечный, сидитъ — онъ самый, ей Богу, сидитъ на льду и грѣется у огонька, мошенникъ!

— Какой заяцъ-то нашъ умница, безъ него намъ никогда бы не настигнуть плута. Ишь себѣ грѣется, мерзавецъ!

И звѣри бросились къ зайцу.

— А! попался! Не выпустимъ.

Заяцъ ничего не понимаетъ.

— Что такое? Что вамъ нужно?

А они такъ и наступаютъ.

— Нѣтъ, братъ, вилять нечего. Научилъ ты насъ уму-разуму, едва живы остались, да еще и больнымъ притворился. Дай Богъ здоровья зайцу — есть зайцы, которые плетутъ корзинки! — заяцъ намъ твой слѣдъ указалъ, мошенникъ!

— Понимаю, васъ обманулъ какой-то заяцъ и убѣжалъ! Постойте, только что спустился съ горы заяцъ и спрятался въ той вонъ скалѣ. Должно быть, это и есть тотъ самый заяцъ.

— Извините, пожалуйста, опять мы обознались! Мы ищемъ этого самаго зайца, который спрятался въ скалѣ.

— А вы очень хотите поймать этого самаго зайца?

— Поймать и отлупить хорошенько! — сказали пріятели разомъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, только вамъ придется перебыть ночь, а на разсвѣтѣ вы двинетесь и сцапаете вашего зайца. Присаживайтесь-ка къ огоньку. Вы должны сидѣть тихонько, не шумѣть и громко не разговаривать, а то заяцъ услышитъ, забоится и убѣжитъ.

Пріятели стали покорно разсаживаться на льду.

— Тише! — прикрикнулъ заяцъ, — повторяю, будете шумѣть и разговаривать, не видать вамъ зайца.

*

Тишкомъ да молчкомъ сидѣли звѣри и съ ними заяцъ.

Заяцъ все подбрасывалъ дровъ и отъ костра ледъ таялъ, и вода подтекла подъ хвосты. Пріятели мокли, а боялись

шевельнуться — боялись спугнуть зайца: заяцъ услышитъ, забоится и убѣжитъ.

Среди ночи дрова всѣ вышли, костеръ погасъ и вода стала замерзать.

— Пойти, сходить за дровами, — поднялся заяцъ, — ну, я пойду, а вы сидите смирно.

Пошелъ заяцъ за дровами и пропалъ.

Ждать-пождать, нѣтъ зайца, не возвращается, пропалъ.

Сидятъ звѣри одни, зубъ-на-зубъ не попадаетъ, а ужъ свѣтать стало.

— А что, братцы, не надулъ-ли насъ этотъ заяцъ?

Шепоткомъ, потомъ погромче, потомъ во весь голосъ заговорили звѣри: рѣшили пріятели, не дожидаясь зайца, самимъ итти на свой страхъ къ скалѣ и сцапать того самаго обманщика зайца.

И опять бѣда, попробовали подняться, анъ, хвосты примерзли!

И натерпѣлись же бѣдняги, ужъ и такъ, и сякъ, едва отодрались: у кого кончика нѣтъ, у кого изъ середины клокъ на льду остался, у кого основаніе попорчено, — инда въ жаръ бросило.

Ощипанные, продрогшіе — лица нѣтъ! — бѣжали товарищи по льду къ скалѣ.

А заяцъ-то ихній сидитъ себѣ у колодца, а въ лапахъ камень.

— Чего жъ ты насъ обманулъ, безсовѣстный!

— И не думалъ, вы сами во всемъ виноваты. Я набралъ хворосту, иду къ костру, тутъ вы чего-то зашумѣли, заяцъ испугался и бѣжать. Я погнался. А заяцъ не знаетъ, куда дѣваться, вскочилъ въ этотъ колодецъ и сидитъ на днѣ, притаился. Хотите посмотрѣть зайца?

Пріятели за зайцемъ потянулись къ колодцу.

А и въ самомъ дѣлѣ, на днѣ колодца они увидѣли заячью ушатую мордочку —

— А это онъ, нашъ обманщикъ! Онъ самый! — обрадовались товарищи.

— Сколько часовъ сижу я здѣсь съ камнемъ и караулю, — сказалъ заяцъ, — одному никакъ невозможно. Хотите доканать вашего зайца, бросайтесь всѣ разомъ. Когда скажу: три! — разомъ соскакивайте въ колодецъ, и заяцъ — вашъ.

Звѣри приготовились.

— Разъ, два, три! — крикнулъ заяцъ.

И разомъ всѣ четверо кинулись въ колодецъ.

И ужъ назадъ никто не вернулся:

ни волкъ,
ни обезьяна,
ни ворона,
ни лисица.

А заяцъ пошелъ себѣ изъ долины въ гору, все ходче и прытче, мяукалъ, усатый.

Жилъ-былъ медвѣдь и было много у него медвѣжатовъ. Медвѣдь одинъ — дѣла по горло: встанешь утромъ, иди по дрова, за дѣтьми некому и присмотрѣть.

И раздумался медвѣдь: неладно такъ — безъ призору медвѣжата, мало-ли грѣхъ какой, и подерутся, и звѣрь какой обидитъ, обязательно надо глазъ.

Насушилъ медвѣдь мѣшокъ сухарей, взвалилъ мѣшокъ на плечи и пошелъ въ путь-дорогу: отыщетъ онъ человѣка, человѣкъ и будетъ его медвѣжатамъ за няньку.

Навстрѣчу медвѣдю воронъ.

— А! медвѣдь! Куда пошелъ?

— Ищу человѣка, медвѣжатамъ няньку. Безъ призору невозможно, а мнѣ дѣла по горло, приходится по дѣлу отлучаться.

— А что это у васъ въ мѣшкѣ?

— Сухари.

— За три сухарика я, пожалуй, готовъ присмотрѣть за твоими медвѣжатами.

— Сухариковъ мнѣ не жалко, — усумнился медвѣдь, — а ловко-ль ты нянчить-то будешь?

— Очень просто: каръ-гаръ! каръ-гаръ! — закаркалъ воронъ.

— Нѣтъ, такая нянька не подходяща.

И пошелъ медвѣдь дальше.

Навстрѣчу медвѣдю коршунъ.

— А! медвѣдь! Куда пошелъ?

— Ищу человѣка, медвѣжатамъ няньку. Безъ призору невозможно.

— А что это у васъ въ мѣшкѣ?

— Сухари.

— Ну, что-жъ, за три сухарика я согласенъ няньчить.

— Трудно тебѣ ихъ няньчить-то! — усумнился медвѣдь въ коршунѣ.

— Чего труднаго-то? — и коршунъ закричалъ по-коршуньи: въ ушахъ засверлило.

Медвѣдь и разговаривать не захотѣлъ, пошелъ дальше.

Навстрѣчу медвѣдю заяцъ.

— А! Куда, Миша?

— Ищу человѣка, медвѣжатамъ няньку. Самъ знаешь, безъ призору невозможно, а мнѣ и такъ дѣла по горло, приходится изъ дому отлучаться.

— А что это въ мѣшкѣ-то?

— Сухари.

— Дашь сухари, буду нянькой.

— Да ты сумѣешь-ли няньчить-то?

— Еще бы, мнѣ, да не сумѣть! Останусь я съ твоими медвѣжатами. «Медвѣдюшки, скажу, милые, мои медвѣжатушки-косолапушки, тихо сидите, не ворчите, лапками не топочите, вотъ вернется изъ лѣса батя, принесетъ меду-малины: соты-меды сахарные, малина сладкая». Буду имъ говорить, буду ихъ поглаживать по спинкѣ, по брюшку по

мяконькому. «И! медвѣжатки, у! медвѣжатушки-косолапушки!»

Медвѣдь слушалъ — слушалъ, растрогался.

— Ну, Иванычъ, согласенъ: хорошо ты няньчишь.

— Еще бы! — заяцъ зашевелилъ усами, — ну, давай мѣшокъ посмотримъ.

Развязалъ медвѣдь мѣшокъ, заяцъ всунулъ туда мордочку, перенюхалъ сухарики и остался очень доволенъ.

— Я согласенъ.

Взвалилъ медвѣдь мѣшокъ на плечи — зайцеву плату — и повелъ зайца въ свою берлогу къ медвѣжатамъ.

— Вотъ вамъ, медвѣжата, нянька, слушайтесь!

И возгнѣздился заяцъ въ медвѣжьей берлогѣ на нянячью должность.

*

По утру ушелъ медвѣдь по дрова. Слава Богу, теперь ему очень безпокоиться нечего: заяцъ присмотритъ.

А заяцъ, какъ только медвѣдь изъ берлоги, скокъ къ медвѣжатой кровати да всѣмъ медвѣжатамъ головы и оттяпалъ, положилъ головы рядкомъ на кровати, прикрылъ одѣяломъ, — только носики торчатъ. А самъ сгребъ туши да въ котелъ, налилъ воды и поставилъ супъ медвѣжій варить.

И пока супъ варился, прибралъ заяцъ берлогу, медвѣжатыя мордочки молокомъ измазалъ, закусилъ сухарикомъ и присѣлъ къ огоньку старье медвѣжье чинить.

Вернулся медвѣдь въ берлогу.

— А вернулся! А я медвѣжатъ молодыхъ накормилъ и спать. Да, тутъ купцы ѣхали, оставили говядинки. Я супъ варю. Садись-ка: поди, проголодался?

— Спасибо, Иванычъ, проголодался! — свалилъ медвѣдь дрова и къ котлу.

И принялся супъ хлебать.

Извѣстно, съ голодухи-то навалился, ничего не соображетъ и медвѣжьяго духу не учуялъ, а какъ сталъ насыщаться, въ носъ и пахнуло. А тутъ, какъ на грѣхъ, зачерпнулъ ложку, а на ложкѣ медвѣжій пальчикъ.

Вскочилъ медвѣдь и прямо къ кровати, отдернулъ покрывало — нѣтъ медвѣжатъ, однѣ мордочки медвѣжьи!

И догадался — замоталъ головой — догадался да на зайца, а заяцъ скокъ изъ берлоги и — поминай, какъ звали!

*

Бѣжитъ заяцъ, выскочилъ въ поле. Бѣжитъ полемъ прытче, — а за нимъ медвѣдь лупитъ.

Навстрѣчу пастухъ.

— Ай, пастухъ, спрячь отъ медвѣдя: медвѣдь вдогонъ, хочетъ съѣсть.

— А полѣзай въ мѣшокъ!

Заяцъ — въ мѣшокъ, а медвѣдь тутъ-какъ-тутъ.

— Гдѣ заяцъ?

— Какой заяцъ?

— А такой, давай зайца!

— Да нѣту никакого, —уперся пастухъ, — нѣтъ и нѣту.

— Врешь, мерзавецъ! А еще пастухъ! Съѣмъ, давай зайца!

Пастухъ испугался, развязалъ мѣшокъ, заяцъ выскочилъ и — прощайте!

Бѣжитъ заяцъ полемъ, — за зайцемъ медвѣдь.

Навстрѣчу человѣкъ: копаетъ гусиную лапку — коренья.

— Послушай, добрый человѣкъ, спрячь отъ медвѣдя: медвѣдь меня съѣсть хочетъ.

— А садись въ мѣшокъ!

Заяцъ вскочилъ въ мѣшокъ, а медвѣдь тутъ-какъ-тутъ.

— Давай зайца!

— Какого зайца?

— Съѣмъ!

Ну, тотъ испугался, развязалъ мѣшокъ, а заяцъ прихватилъ горстку кореньевъ, да бѣжать.

Бѣжитъ заяцъ, — за зайцемъ медвѣдь.

Навстрѣчу тигръ.

— Еронимычъ, отецъ, сдѣлай милость, спрячь: медвѣдь гонится, хочетъ меня съѣсть!

— Садись ко мнѣ въ ухо.

Заяцъ скокнулъ и прямо въ ухо къ тигру, тамъ и притаился.

А медвѣдь тутъ-какъ-тутъ.

— Подай сюда зайца!

— Зайца?

Уставился тигръ на медвѣдя, медвѣдь на тигра.

— Убью!

— Посмотримъ.

Да другъ на друга, и сцѣпились, только клочья летятъ.

Бились, бились и палъ медвѣдь подъ тигромъ.

А заяцъ, какъ увидѣлъ, что медѣдю крышка, выскочилъ изъ тигрова уха.

— Спасибо, Еронимычъ, дай Богъ тебѣ здоровья.

— Послушай, заяцъ, ты, сидючи у меня въ ухѣ, ровно жевалъ чего-то?

А заяцъ коренья грызъ — гусиную лапку.

— Я, Еронимычъ, глазомъ питался.

— А дай попробовать!

Заяцъ подалъ тигру коренья — гусиную лапку.

Съѣлъ тигръ.

— Вкусно! Нѣтъ-ли еще, Иванычъ?

— Что-жъ, можно. Только теперь твой будетъ.

— Валяй, я и съ однимъ глазомъ управлюсь.

Заяцъ глазъ у него и выковырялъ, спряталъ себѣ, подаетъ опять корешковъ.

Съѣлъ тигръ.

— Вкусно! Знаешь, Иванычъ, я еще съѣлъ бы!

— Да взять-то не откуда.

— А коли и правый выколупать?

— Что-жъ, можно и правый.

— А когда я слѣпцомъ сдѣлаюсь, будешь-ли ты меня водить, Иванычъ, слѣпца-то?

— Еще бы! Я тебя такъ не оставлю. Поведу тебя по дорогамъ ровнымъ да мягкимъ, гдѣ ни горки, ни уступа, ни колючекъ. Такъ и будемъ ходить.

— Спасибо, тебѣ, Иванычъ, ну, колупай!

Заяцъ выковырялъ у тигра и правый глазъ и ужъ подаетъ не корешковъ, а глаза тигровы.

Тигръ съѣлъ, но безъ удовольствія.

— Что-то не то, больно водянисто.

— Глазъ и есть водянистый, чего-жъ захотѣлъ? Ну, а теперь въ дорогу.

И повелъ заяцъ слѣпого тигра.

*

Не по мягкимъ ровнымъ дорогамъ, — по кручамъ, по камнямъ, по колючкѣ, нарочно велъ заяцъ слѣпого тигра.

— Охъ, Иванычъ, ой, тяжко!

А заяцъ нарочно выбиралъ дурныя дороги и не давалъ передышки.

Пришли къ пещерѣ.

Заяцъ посадилъ тигра на край, спиною — въ пропасть, самъ собралъ хворосту, развелъ огонь передъ тигромъ.

— Не жарко-ли, Еронимычъ? подвинься немного!

Тигръ попятился и очутился на самомъ краешкѣ.

Заяцъ подложилъ огоньку.

— Подвинься-ка еще, Еронимычъ!

Тигръ еще попятился и ухнулъ въ пропасть. Да, падая, ухватился зубами за дерево и повисъ надъ пропастью.

И хочетъ тигръ зайца на помощь позвать, да ничего не выходитъ, только мычитъ.

— Еронимычъ, гдѣ ты? — кличетъ заяцъ.

А тотъ мычитъ.

— Еронимычъ, подай голосъ! да гдѣ же ты?

— Я тутъ — крикнулъ тигръ.

Сукъ выскользнулъ изо рта, и угодилъ тигръ въ самую пропасть, да тамъ и расшибся.

*

Бѣжитъ заяцъ —

Навстрѣчу купецъ.

— А! Купецъ! Я убилъ тигра, не хочешь-ли шкуру?

— А гдѣ она?

— А вонъ, у пещеры.

— Ну, спасибо.

Оставилъ купецъ товаръ на дорогѣ, а самъ къ пещерѣ за тигровой шкурой.

Бѣжитъ заяцъ —

Навстрѣчу пастухъ.

— А! пастухъ! Подъ горой у пещеры купецъ шкуру снимаетъ съ тигра, товаръ на дорогѣ оставилъ, хочешь попользоваться?

— Спасибо!

И побѣжалъ пастухъ купцовъ товаръ шарить.

Бѣжитъ заяцъ —

Навстрѣчу волкъ.

— А! сѣрый! Пастухъ ушелъ за добычей — купцовъ

товаръ безъ хозяина на дорогѣ, стадо пастухово безъ призора, ступай, поживишься.

— Спасибо, спасибо.

И побѣжалъ сѣрый волкъ пастухово стадо чистить.

Бѣжитъ заяцъ —

Навстрѣчу воронъ.

— А! воронъ! Волкъ побѣжалъ пастухово стадо чистить, волчата одни. Не желаешь-ли полакомиться?

— Спасибо.

И полетѣлъ воронъ къ волчиной норѣ волчатъ клевать.

Бѣжитъ заяцъ —

Навстрѣчу старуха съ шерстью.

— А! бабушка! воронъ улетѣлъ волчатъ клевать, попользуйся вороньимъ гнѣздомъ — соломы тебѣ будетъ довольно.

— Спасибо, Иванычъ, дай тебѣ Богъ здоровья.

Старушонка положила шерсть за кустикъ, побрела къ вороньему гнѣзду гнѣздо снимать.

Бѣжитъ заяцъ —

А на него вѣтеръ — —

— А! Вѣтеръ Вѣтровичъ! Старуха пошла за вороньимъ гнѣздомъ, не желашь ли поиграть съ шерстью, эвона за кустикомъ трепыхтаетъ.

— Спа-си-бо.

Вѣтеръ подулъ на дорогу, выдулъ старухину шерсть, закрутилъ, завѣялъ, растрепалъ ее бородой и! — понесся — —

*

А тамъ купецъ снялъ съ тигра шкуру, вернулся со шкурой на дорогу, гдѣ товаръ оставилъ, а товара нѣтъ — пастухъ унесъ! — и погнался купецъ за пастухомъ — —

Пастухъ пришелъ съ купцовымъ товаромъ къ стаду, хвать, а волкъ овцу угналъ, и погнался пастухъ за волкомъ — —

Волкъ приволокъ овцу къ норѣ, а у волчатъ глаза выклеваны — пропали волчата! — и погнался волкъ за ворономъ — —

Воронъ поклевалъ волчатъ и назадъ въ гнѣздо, а гнѣзда-то нѣтъ, старуха на дрова сняла, и погнался воронъ за старухой — —

Старуха снесла гнѣздо къ себѣ въ избу, вернулась на дорогу, хвать, а вѣтеръ несетъ ея шерстку, и погналась старуха за вѣтромъ — —

Вѣтеръ дулъ, завивалъ старухину шерсть, гналъ ее полемъ, свистѣлъ, игралъ —

Вѣтеръ дулъ и кружилъ — —

И увидѣлъ заяцъ — по дорогѣ въ вѣтрѣ кружилось:

купецъ,
пастухъ,
волкъ,
воронъ,
старуха.

И какъ увидѣлъ заяцъ — смотрѣлъ — смотрѣлъ и захохоталъ.

Захохоталъ заяцъ и такъ хохоталъ заяцъ — отъ хохота разорвалась губа.

четыре звѣря
сошлись у дерева:
слонъ, обезьяна, заяцъ, воронъ.

безъ головы жить невозможно!
кому быть старшимъ?

я слонъ, я помню дерево чуть отъ земли:
я старшій!
слонъ сталъ подъ деревомъ,
ничѣмъ не сдвинешь.

нѣтъ, я постарше!
и обезьяна прыгъ на вѣтку
и уцѣпилась надъ слономъ.

я заяцъ, видѣлъ, какъ первые листочки
на деревѣ зазеленѣли:
я всѣхъ старше!
да скокъ —
и сталъ надъ обезьяной.

нѣтъ, воронъ старше:
я принесъ зерно,
а изъ зерна и дерево пошло,
и воронъ взлетѣлъ надъ всѣми.

так и живут четыре звѣря:
слон,
обезьяна,
над обезьяной заяц,
а над звѣрями выше
ворон.

1916—1922

КНИГИ АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА

ПОСОЛОНЬ. Сказки. Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907 (распродано).

МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Шиповникъ. Спб. 1907 (распродано).

ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. Оры. Спб. 1907 (распродано).

ПРУДЪ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Сиріусъ. Спб. 1908 (распродано).

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. Сиріусъ. Спб 1908. Въ 25-и им. экз.

ЧАСЫ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Eos. Спб. 1908 (распродано).

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разсказы. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Eos. 1908 (распродано).

РАЗСКАЗЫ. Изд. Прогрессъ. Спб. 1910 (распродано).

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 8-ми томахъ съ порт. автора рис. М. В. Сабашниковой. Обл. С. В. Чехонина. Изд. Шиповникъ-Сиринъ. Спб. 1910-1912 (распродано).

ПОДОРОЖІЕ. Разсказы. Обл. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Спб. 1913 (распродано).

ДОКУКА и БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Обл. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Спб. 1914 (распродано).

ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Разсказы. Обл. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Пгр. 1915 (распродано).

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Разсказы. Съ рис. Н. К. Рериха. Изд. Отечество. Пгр. 1915 (распродано).

УКРѢПА. Сказки. Обл. Е. И. Нарбута. Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 (распродано).

СРЕДИ МУРЬЯ. Разсказы. Изд. Сѣверные дни. М. 1917 (распр.)

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Обл. С. В. Чехонина. Складъ изданія Парусъ. Прг. 1917 (распродано).

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. Колосъ (Коробейникъ № 10) Пгр. — М. 1918 (распродано).

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Изд. Скифы. Пб. 1918 (распр.).

СТРАННИЦА. Повѣсть. Изд. Революц. мысль. Пб. 1918 (распр.).

О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918 (распродано).

СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918 (распродано).

СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ. Сказки. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконостъ. Пб. 1919 (распродано).

ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконостъ. Пб. 1919 (распродано).

БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представленіе. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (распродано).

ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (распродано).

ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Обл. рис. Ю. П. Анненкова. Изд. Алконостъ — Госизд. Пб. 1920 (распродано).

ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Изд. Алконостъ. Пб. 1920 (распродано).

ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. Бакста. Изд. Обез. вел. вол. пал. Пб. 1921 (распродано).

ШУМЫ ГОРОДА. Разсказы. Изд. Библіофилъ. Ревель, 1921.

ОГНЕННАЯ РОССІЯ. Слово. Изд. Библіофилъ. Ревель, 1921.